

О тех, благодаря кому праздник Рихтера состоялся, рассказывает Юрий Дикий, профессор Одесской музыкальной академии:

— *К сожалению, в рамках этих заметок я не смогу назвать всех, но скажу о тех, кто внес самый значительный вклад. Это, прежде всего, одесские музыканты, давшие несколько благотворительных концертов, весь сбор с которых пошел в фонд фестиваля. Особая благодарность — генеральному консулу России в Одессе Феликсу Довженку, оказавшему нам и материальную, и моральную поддержку. Мы ощутили помощь со стороны главы Центральной райадминистрации Николая Балана, заместителя городского головы Владимира Папиенко, руководителей управлений культуры города — Нелли Лецинской, области — Надежды Бабич, руководителя депутатской комиссии горсовета Лидии Голубенко, председателя Одесской организации Союза театральных деятелей Анатолия Дуды. Нашими добрыми партнерами по "РИХТЕРФЕСТУ" стали Валерий Кузнецов — директор и художественный руководитель Филармонии, Василий Василенко — директор и дирижер Театра оперы и балета. Спасибо коллегам — профессору Вячеславу Дашковскому, семье Повзунов, тележурналисту Наталье Смирновой, родственникам Людмилы Наумовны Гинзбург — семье Литовченко-Недзведских.*

Мы признательны гостям из разных городов Украины, принявшим участие в концертной и научной программах: профессорам Киевской консерватории К.И. Шамаевой, Львовской — М.Т. Крушельницкой; пианистам Ю. Коту (Киев), Й. Ерминю (Львов), одесситам А. Ботвинову, В. Саксонскому, С. Терентьеву; инструменталистам камерных ансамблей Н. Литвиновой, С. Шольцу, Т. Кравченко, А. Анисимову, О. Кузнецовой, всем музыкантам и поклонникам классического искусства. Наша главная задача — сделать "РИХТЕРФЕСТ" традиционным.

Из приветствий, поступивших в адрес организаторов фестиваля, особо выделим два. От посла ФРГ в Украине Дитмара Штюдемана и от директора московского Пушкинского музея, в котором и при жизни Святослава Рихтера, и после его ухода проходили и проходят знаменитые на весь мир "Декабрьские вечера".

Большой друг великого Мастера, Ирина Антонова пишет: "Нам было интересно узнать об открытии "Декабрьских вечеров" в Одессе. И не только потому, что Одесса — родной город Святослава Рихтера, но город большой музыкальной культуры, подаривший миру много великих музыкантов!".

Похоже, столь долгое отсутствие Светика в городе своего детства заканчивается.

Оптимист собачий

"Автор родился дважды", — написали два человека. Они писали о себе — Ильфе и Петрове, Файнзильберге и Катаеве, скептике и оптимисте. Если учесть, что сам Петров имел привычку сбавлять себе возраст, — родившись 13 декабря 1902 года, в автобиографии указывал 1903-й, — то автор родился даже трижды, и наша публикация подоспела тоже вовремя.

Знаменитым автор проснулся в 26 лет и в 31 год. И потом почти все делал вместе — ездил по Европе и США, писал, выступал (говорил Петров, а Ильф так волновался, что выпивал всю воду из графина).

Но, родившись дважды (трижды?), приходится и дважды (трижды) умирать. В молодости мысль о смерти кажется невероятной и нереальной. Поэтому однажды, всласть покричав друг на друга и поругавшись (впервые в жизни), автор решает, что должен погибнуть в авткатастрофе — чтоб вместе. Это была шутка, но как часто шутки сатириков грустны! До старости они не дожили. Часто говорят, что тем, кто остается, тяжелее. "Я был на своих похоронах", — писал Петров. Тот самый, кого соавтор называл "оптимистом собачьим". Тот, кто всегда во всем видел светлую сторону. Он сидел в ЧК, работал в милиции в глухом голодном районе, служил в армии — и всегда оставался оптимистом.

У него любимая жена и сын, всемирная слава, устроенная и обеспеченная (особенно для 1937 года) жизнь. Но... он был на своих похоронах...

После этого очень трудно начать жизнь заново. Но у Петрова это получается. Он вновь начинает писать. Уезжает подальше из Москвы — туда, где они ни разу не были вместе, — на Дальний Восток. Именно туда, если верить шутливой автобиографии, стремилась еврейская душа. А попала славянская. Когда-то Петров жаловался, что потерял и деньги, и соавтора — Ильф увлекся фотографией. Никто и никогда не писал, что Петров увлекался фотографией. Но статьи о Дальнем Востоке в "Огоньке" сопровождает подпись: "Фото автора". И удивительно — по духу фотографии Петрова похожи на записные книжки Ильфа: нарядная ненецкая девушка в лучшем костюме стоит, босая, кокетливо улыбаясь, автомобиль перевернулся, и к нему постепенно подтягиваются любопытные ребята. Жизнь парохода со зловещим названием "Нарком Ежов". Широкие спокойные воды. Жизнь ненецкого стойбища. Лица людей. И очень много детей. Их фото у Петрова просто замечательные. А дома, в Москве — жена Валя и сын Петя. Цель и смысл его жизни. И он, как всегда, много и подробно пишет о себе. Он планирует написать книгу о Дальнем Востоке и даже заключает договор об издании. Это была бы книга Евгения Петрова. Уже без Ильи Ильфа. Книга так и не вышла. Почему — никто не знает. Петров еще напишет сценарий "Антон Иванович сердится" (в соавторстве с Г. Мунблитом), пьесу "Остров мира" — сам. Он будет редактором "Огонька", одним из любимых народом журналистов. Ему будут

писать, восхищаясь и умоляя о помощи. И Петров старался всем помочь. Веселый человек, "оптимист собачий" погибнет на фронте в 1942 году. "Автор родился дважды". Автор не умирал. И не умрет, пока мы читаем Ильфа и Петрова.

7 июля 1937,
Хабаровск

Моя обожаемая Валинька!

Первым делом прости меня, что пишу тебе так официально — на машинке. Просто в этой омерзительной гостинице, где я живу (лучшая в городе!) — нельзя допроситься чернил. Вообще здесь ничего нельзя допроситься. Ботинки здесь нельзя почистить, так как в гостинице нет щеток, штепсельной лампы у них нет, и приходится довольствоваться маленькой клозетной лампочкой под потолком, к тому же еще заляпанной известкой. В номер я въехал сейчас же после ремонта. Пахнет краской, но тем не менее в первую же ночь меня атаковала большая могущественная армия клопов. На другой день после долгих препирательств их "шпарили". Однако следующую ночь я тоже не спал — клопы собрали уцелевшие батальоны и произвели на меня бурную

Фото Евгения Петрова.

контр-атаку. Сегодня опять ругался. Обещали их доконать, но ничего не сделали. Пришел только что, часов в одиннадцать вечера (у вас на Клязьме сейчас четыре часа дня) и снова ругался. Кровать щедро намазали керосином. Кончу письмо и лягу. Ах, если бы можно было совсем не ложиться.

...Вообще-то своей поездкой я очень доволен и даже за эти три дня видел много интересного. На днях поеду в Комсомольск. Потом вернусь в Хабаровск. Потом поеду в большое путешествие, план которого еще не наметил.

...Ты должна посылать мне не меньше двух телеграмм в неделю и такое же количество писем. А то я не найду сил бороться с клопами. Уж пожалуйста, поддержи меня...

Твой любящий супруг Женя.

Дорогой сын Петя!

Я живу в городе Хабаровске. Тут есть большая река. Называется Амур. По ней ходят пароходы. Я в ней уже купался. Ходишь ли ты купаться на Клязьму? Как ты живешь? Ты должен хорошо учиться читать и писать. Как ты пишешь, я буду видеть по письмам, а как читаешь, мне расскажет мама. Так что я все буду знать, крепко тебя целую. Твой папа.

8 августа 1937,
Хабаровск

...Позавчера я вернулся из большой поездки в Комсомольск и по Комсомольскому району. Было очень интересно. Я поднимался вверх по очень малоисследованной реке Горюн, был в нанайских стойбищах (нанайцы по своему национальному характеру очень напоминают индейцев, о которых ты читала в нашей книге), видел удивительно интересных людей... Эти два дня в Хабаровске все время пишу.

...Я предполагал через пару дней выехать в огромное путешествие на Камчатку, Чукотку и Колыму. Однако, сейчас появились новые обстоятельства и мне, вероятно, придется остаться на август в центре края...

Самочувствие у меня хорошее. Это бывает всегда, когда я работаю и работой увлечен. Только тебя не хватает. И Петеньки...

Женя.

ДОРОГОЙ ПЕТЕНЬКА!

СПАСИБО ЗА ТО, ЧТО ТЫ МЕНЯ НЕ ЗАБЫВАЕШЬ И ПИШЕШЬ МНЕ ПИСЬМА. Я ОЧЕНЬ РАД, ЧТО ТЫ ХОРОШО УЧИШЬСЯ ПО НЕМЕЦКИ И ВООБЩЕ ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК. КАК ПОЖИВАЕТ ТВОЙ ПЕДАЛЬНЫЙ АВТОМОБИЛЬ?

ЛЮБЯЩИЙ ТЕБЯ ПАПА.

17 августа 1937,
Хабаровск

...Сегодня вечером выезжаю во Владивосток, а 20-го или 22-го августа сажусь на пароход "Ежов" и отплываю на Колыму. Рейс длится пять суток. Доеду до Нагаево. Там несколько километров до нового города Магадана. По Колымскому краю буду ездить в автомобиле. Там пробуду на золотых приисках и в туземных стойбищах, ороческих, эвенкских и якутских, несколько дней. Может быть, вернусь назад "Ежовым"... Обними Петеньку. Уже нет времени писать ему. Боюсь опоздать на поезд. Еще раз крепко целую моих любимых и дорогих. Пиши побольше...

Всегда твой Женя.

19 сентября 1937,
Владивосток

Я так по тебе соскучился, так утомился в поездках, что не выдержал и пригласил тебя приехать. Пригласил и тотчас же пожалел. Это было слишком эгоистично с моей стороны — тащить тебя в тяжелое десятидневное путешествие, чтобы здесь, во Владивостоке, по целым дням оставлять тебя одну в паршивой скучной гостинице. Ведь мне постоянно приходится разъезжать — предстоят поездки в армию и флот, куда женщинам вход не полагается. Что бы ты здесь делала? Тут даже театра сейчас нет. В сущности есть здесь одна более или менее приличная улица. Все остальное — грязно и запущено. На улицах много пьяных. Знакомых нет. Пойти буквально некуда. Я представил себе — ты приезжаешь, мы проводим вместе один-два дня, и я исчезаю сразу на неделю. Ведь это просто бесчеловечно! Была и еще одна причина. Я хотел здесь серьезно поработать, рисовал в воображении чудную картину — мы живем вместе,

и я работаю. Но вечером того дня, когда я послал тебе телеграмму, я сел писать статью. И должен тебе сказать, никогда не испытывал таких мучений. В доме напротив играли сразу два граммофона, рядом из ресторана доносился отчаянный вой оркестра, а на улице, под окном моего номера отчаянно орали пьяные. В течение четырех часов я никак не мог собраться с мыслями, хотя материал статьи был мне хорошо понятен. Наконец я начал писать. И только написал две строчки — потух свет. Загорелся он только в час ночи, и я сел продолжать. Хозяева двух страшных гильотин, которых во Владивостоке называют на американский манер "виктролами", легли спать; но зато оркестр завыл с особенной силой. Что же касается пьяных, то в эти тихие ночные часы они орали песни с особым усердием. Короче говоря, этот бедлам прекратился только часа в три-четыре ночи. Кончил я писать в семь утра, а просидел за письменным столом двенадцать часов. И я решил уехать из Владивостока, как только я освобожусь от дел...

Письмо это я пишу после большого перерыва. И вот почему. Когда я был на Колыме, письма писать было бессмысленно, так как они могли пойти на "материк" (так колымчане называют большую землю) только с ближайшим пароходом. А я уезжал именно с этим ближайшим пароходом...

Обнимаю и целую тебя нежно и крепко. Считаю минуты, когда увижу наконец моих двух добрых гениев — большую девочку и маленького мальчика...

Сейчас буду есть настоящий китайский обед с червями и прочими гадами.

Всегда твой Женя.

